

буржуазного зла, а повесть — как заупокойная со-
братьям Захара во враждебном нам мире.

Убедительно показана обреченность шкандыби-
ных в Стране Советов, где власть принадлежит тру-
дящимся и нет почвы для паразитического суще-
ствования.

Весь строй нашей жизни, ее уклад, законы, че-
ловеческие отношения уготавливают неизбежную
гибель шкандыбиных. Революция лишила их пита-
тельной среды. Но повесть шире, чем только эта
тема. Глубинным настроем своим она говорит: если
в чьей-то душе и поселится занесенный из прошло-
го микроб накопительства, жадности — здоровые
силы нашего общества не дадут ему развиваться.
Всякое деяние, направленное против интересов на-
рода, поставит такого человека вне законов нашей
жизни.

Повесть А. Немцева несет большой морально-
этический заряд, энергично защищает новый социа-
листический мир, его нравственные устои. В этом со-
временность и главный смысл повести.

Впечатление от нее усиливается сочностью и
образностью языка, склонностью автора к глубоко-
му психологическому анализу, обилием звуков, за-
пахов, красок, реалистичностью письма.

Самостоятельный полет начат. Пусть же искрен-
ность, стремление к революционному переустрой-
ству мира, высокая гражданственность, верность
своему народу-строителю будут постоянными спут-
никами и советчиками человека, написавшего эту
книгу.

Борис Изюмский

З ачинался серенький, придавленный низким сырым небом осенний денек. Процеженный грязными стеклами не закрытых ставнями окон, водянистый свет его бессильно терялся в сумрачной пустоте дома.

В дальнем, самом темном углу горницы на большой, до железа облупленной кровати грязновато-желтым привидением угадывалась длинная костистая фигура сидевшего в одном белье хозяина. Обычно в такое время старик Захар Шкандыбин давно пребывал в хозяйских хлопотах: выпускал из клетушки кур, кормил кабана и вычищал его катух, топил печь, если ночью случался мороз или сильный ветер. Сегодня же он вот уже который час понуро сидел, поставив босые ступни на лысую козлячью шкурку, и все боялся встать. Цепко ухватясь левой рукой за край сбитого в комья матраца, он заскорузлой ладонью правой терпеливо, с вкрадчивой осторожностью растирал под рубахой ту часть широкой ребрастой груди, где, не желая больше работать, с пугающе длинными перерывами еле слышно пошевеливалось наболевшее за ночь сердце.

За свои семьдесят шесть лет старик, если

не считать гриппа и прочей такой же пустяковины, которые он всегда шутя переносил на ногах, ничем ни разу и не болел. Еще весь вчерашний день, как и предыдущие два, он от зари до зари простоял за прилавком на рынке, распродавая мясо зарезанного к добрым праздничным ценам кабана и заодно куриные яйца, бегом таскал тяжеленные оклунки, по обыкновению грызся с фасонистыми домохозяйками, которые с панской привередливостью выбирали куски получше, — и хоть бы где кольнуло, лишь устал как собака. А вот уже дома, только уселся за стол повечерять, ни с того ни с сего так ширнуло, будто в сердце кто длинную острую колючку с рожковой акации вонзил. Дико вскрикнув от боли и неожиданности, старик обеими, враз поледеневшими руками схватился за грудь, мертво повалился на пол вместе со скрипучим тяжелым стулом...

Когда немного отпустило, кое-как дополз до кровати, прямо в одежде с трудом великим залез под истлевшее от времени и грязи ватное одеяло. Долго лежал неподвижно, пристально вглядываясь в темный, заснованный паутиной потолок, с парализующим разум страхом чувствуя, как холод небытия медленно продвигается по ногам к бессильному туловищу...

Наконец боль заметно поутихла, однако сердце было уже не то. Натруженно, точно распухшее, умирающей птицей тихо копошилось оно в своей старой клетке, пугая сознание жутко длинными перебоями и неведомой до сего устрашающей слабостью толчков.

Кое-как разделся, спихнул одежду на пол и, дрожа и млея, снова укрылся одеялом. Так и застыла на кухонном столе, изойдя пресным паром, нетронутая картошка... И всю эту долгую проклятую ночь воспаленными вытаращенными глазами жадно хватал старик темноту, тихонько поглаживая ребра, сторожа свое засыпающее сердце. Страшно было умирать, но еще страшнее и обиднее было не дожидаться, не осуществить того, ради чего проливал кровь свою и чужую, полвека морил себя и других работой, недосыпал, считал каждую прелую картофелину и носил гадкие лохмотья...

А угрожающие перерывы между вялыми, ощутимыми толчками неумолимо удлинялись. Перед утром, часа в три, колючка вдруг снова тронулась, поползла, медленно разрывая дряхлые волокна изработанных сердечных мышц, которые, не выдержав невыносимой боли, судорожно свернулись в огненный трепещущий ком. В тускнеющем мозгу частыми ослепительными искрами понеслось катастрофическое: «Все! Все! Все!!!»

Отпустило... Гулко, будто с большой высоты сорвалось, ударило, заработало сердце. Бросило старика сразу и в жар и в холод, точно вместо крови по остывшим жилам кипятков пошел. Сдержанно, бессильно медленно стянул душное одеяло с пропотевшего насквозь тела. «Кажись, пронесло,— затаенно-радостно подумал он, ощущая на щеках слезы облегчения.— Капелек ба сейчас...— ласково помечтал он о маленьком пузырьке валерианы, с которым последние

свои годы не расставалась покойница-жена, — доразу б загоилось... Завтра, как токи очу- маюсь, куплю в аптеке... они не дюже доро- го стоят... И в больницу зайти надо, пу- щай полечуть, можа, болезнь какая — ишь как прикрутило... А мене-то долго жить надо!»

Вскоре с радостным удивлением почувст- вовал, что после приступа сердце хотя и сла- бовато, но тукает все ровней и ровней, боль поч- ти полностью выползла из него, а судороги прекратились вовсе.

«А бог-то всетки есть! — восхищенно пока- ялся про себя старик, отдышавшись. — Уви- дал, праведный, что ошибся, не за тем, кем надо, пришел...» Вынув правую руку из-под рубахи, он повернул голову в сторону неви- димой иконы и, тихонько крестясь, начал, припоминая полузабытые молитвы, с искрен- ним душевным откровением и старательно- стью нашептывать их.

Когда едва различимыми квадратами за- мутнели окна, старик перестал молиться и большим, слабым еще костистым ку- лаком медленно погрозил тому из них, которое выходило на улицу, пробубнил грозно:

— Ра-а-на, рана вам, гадам, радоваться! Я ишо поживу! В ножки ишо кланяться бу- дете Захару Шкандыбину, жизнь — она обо- ротливая!

За окнами уже хорошо виднелись мокрые, омертвевшие на зиму ветви акаций, темно- серые шиферные крыши с голубыми и зеле- ными фронтонами, тонко перечеркнутые чер-

ными нитями электрических проводов. Проревел, железно громыхая грязным кузовом, самосвал; с глухим каблучным перестуком торопливо проходили за острьяками штакетника одетые в скользкие плащи людские фигуры. Шкандыбин все боялся встать, мерно покачиваясь, продолжал поглаживать грудь, чутко вслушивался в собственное нутро, не доверяя...

Наконец, подстегнутый глухим, словно изпод земли донесшимся, криком петуха, старик обеспокоенно вспомнил о запертых курах и решился. С криканием нагнулся, подцепил пальцем с пола излатанные, дубовые от грязи штаны и серую репсовую рубаху; избегая резких движений, начал потихоньку натягивать их на себя. Одевшись, засунул ступни в заструпевшие сухой глиной короткие ватные бурки с неснимающимися никогда галошами. Затем трясущимися руками взялся за холодную, как лед, кроватную спинку, помедлил, собирая силы, и, осторожно напрягаясь, трудно поднялся, с громким хрустом распрямив свое высокое ширококостное тело.

И сразу в глазах потемнело, будто ослеп. Обескровившую голову пьяно закружила тошнющая дурнота, ноги сомлели, задрожали, подламываясь, тысячи колючих мурашек побежали по ним, кусая деревянеющие икры... Из всех сил вцепился в спинку, постоял, шатаясь, подождал...

Светлая волна вскоре поднялась снизу, плавно прояснила мозг. Радость снова видеть белый свет невольной улыбкой тронула кудлатое заросшее седью скуластое лицо, поше-

велила крылья калмыковатых ноздрей, довольно расширила немигающие круглые глаза с выпуклыми, точно из старого рога выточенными ястребиными зрачками.

С живой веселостью, как будто давно не был дома, оглядел закоптелые стены горницы, стоящий рядом с кроватью похожий на саркофаг дубовый сундук, пустынный замусоренный пол и зажатый двумя голыми уличными окнами седой от пыли разошедшийся комод. Глянул на улицу. У Костюковых и Ярченко на углах домов мокро краснели обвисшие в безветрии флаги. Покрывил губами, насмешливо прищурился... Дорогой праздник торопятся встретить люди! На день раньше флажки повывесили. Скоро, наверное, за месяц вперед вывешивать будут!

Посмотрел в боковое окно — еще на двух домах краснеет. Дальше не видно: сарай за-слоняет.

Сдвинув брови, отвернулся. Наткнулся глазами на черную, с едва желтеющим ликом большую, похожую на обрезок доски икону в дальнем, перепутанном паутиной углу. Несколько минут еретически дерзко всматривался в трудно различимое пятно, которое упорно не замечал двадцать с лишним лет, с войны до сегодняшней адовой ночи.

Потом взгляд постепенно помягчал, серовато замерцал неуверенностью и даже на испуг похожее мелькнуло в нем.

Кто знает, может, и вправду все-таки есть бог. Может, это он помог сегодня? Во всяком случае, возобновить моления не помешает: все лишняя душевная опора в этой суровой

жизненной шаткости. И если он действительно существует, то знает наверняка, всевидящий, для чего живет Шкандыбин, и обязательно поможет.

Утвердясь в этих своих мыслях, оторвал от кровати правую руку, сжал три пальца и, уверенно крестясь, слегка пригиная в поклонах белую лохматую голову, глуховатым своим горловым басом начал старательно читать «Отче наш»: «...И не введи нас во искушение... Избави нас от лукавого, Яко твое есть царство и сила, Слава отцу и сыну и святому духу! Аминь! И не оставь ты меня, господи, своей милостью небесной!»

Повернулся и успокоенный направился в кухню, слегка припадая на правую ногу. Это в восемнадцатом, под Петроградом, какой-то чохоточный красногвардеец пометил пулей крепкую казацкую ногу. Семизоров, из Старого Города, наскочил на чохоточного, развалил ему башку пашкой, аж, помнится, красный бант отлетел на дорогу; да что толку: сколько голов ни руби — коленный сустав не поправишь!.. Возле кухонного стола приостановился, посмотрел на стылую синюю картошку, пошевелил ноздрями в лиловатых прожилках. Есть что-то не хотелось.

Около двери сдернул с вбитого в притолоку гвоздя старую мышковатую солдатскую ушанку, засаленную, попрожженную во многих местах телогрейку, оделся. Отодвинул засов и вышел в большой сумрачный коридор, по самое крошечное оконце заваленный посеревшими от толстой пыли дырявыми каст-

рюлями, ржавыми ведрами, драной одеждой, развешанной по стенам вперемежку с мотками проволоки и кусками резиновых шлангов. Все это, напоминающее сухие внутренности какого-то давно издохшего чудовища, постепенно перекочевало сюда на тачке хозяина с недалекой городской свалки.

На коридорной двери — еще два таких же, как и в доме, тяжелых засова с продольным рядом маленьких отверстий в каждом. Сдвинув их до упора, старик распахнул скрипучую некрашеную дверь и вышел на низенькое, в пару гнилых ступенек, крыльцо.

Жадно вдохнул холодный, пропитанный невидимой водяной пылью воздух. Снова пьяно закружилась голова, но на этот раз приятным, очистительным хмелем, на поправу...

Сердце работало слегка замедленно, но ровно и совсем не болело, лишь как-то странно щекотало, словно слегка припухшее. «Не-е, не пойду в энту ихнюю чертову больницу, чтоб она сгорела, — передумал решительно. — Столько делов! Энто я, навернок, на базаре загнал себя, вот и ширнуло... Три дня сряду от зари до зари постой-ка!»

Надышавшись, с пристальной хозяйской зоркостью медленно оглядел двор. Метрах в четырех от крыльца, рядом с высоким дощатым забором «левой» соседки, Колесничихи, длинным, попутно дому вытянутым барачком стояли вплотную примыкавшие торцами друг к другу два расплывающихся под дождями глинобитных катушка и тяжко прогнувшаяся серединой бывшая конюшня, вся оби-

тая жестью, шматками дюралья и фанеры.

Первый от огорода катушок был курятником, в другом, огороженном базком из веток акации, до недавнего, точно секач в плавнях, бил могучим рылом, грозно уркал годовалый кабан; бывшая конюшня теперь служила складом для найденных на свалке же разбитых ящичков, лысых автомобильных покрышек и всякого другого горючего хлама — топлива на зиму. Рядом с этим сараем, при-ткнувшись к стене его задранными вверх тонкими жердями оглобель, стояла широкая деревянная тачка на больших железных колесах.

В глубине двора, чуть поодаль от курятника, сиротливо клонилась набок полусгнившая уборная, без крыши, с рогожкой вместо двери. Больше ничего заметного, ни одного дерева или даже куста, которые за невыгодой были давным-давно, еще до войны, срублены, в усадьбе не имелось. Вся она — соток около двадцати — представляла собой голое, точно снарядами изрытое, унылое послекартофельное поле с кое-где торчащими из-под раскисших комьев чернозема мертвыми бодыльями.

Пошарив в кармане штанов, старик вытащил оттуда хитро загнутый, похожий на когтистый палец хищной птицы толстый стальной крючок. Просунул его в замочную скважину и, сосредоточенно-слепо шкрябая железом, начал подвигать этим крючком засовы. Таким манером запирались все двери хозяйства, и открыть их могла, и то изрядно потрудившись, только рука натренированная, хорошо чувствовавшая расстояние от сква-